

Антонио Бандерас — без маски

— В «Эвите» вы сами пели партию своего героя. Намерены ли вы продолжить эту практику в «Призраке оперы»?

— Еще как! Вы не представляете себе, как меня недавно разыграли: пригласили в Лондон и попросили спеть арию из «Призрака...» на маленьком торжестве в узком кругу друзей. Я согласился. Меня долго везли куда-то, потом вели по каким-то переходам и коридорам, и вдруг — нате вам! — я выхожу на сцену и вижу, что это Ройал-Альберт-холл! Зал полон, и я должен петь перед всей этой публикой. Не знаю, как я не убежал за кулисы! А потом мне сказали, что это была кинопроба. Вот мерзавцы! Но после этой истории они пообещали, что петь в «Призраке...» буду я, и никто другой.

— Недавно вы создали собственную производственную кинофирму и назвали ее «Green Moon». Почему?

— Почему создал или почему так назвал?

— И то, и другое.

— Мне хочется делать малобюджетные оригинальные фильмы с интересными сюжетами, хорошими актерами, и чтобы никто не вмешивался в работу. А название я позаимствовал у человека, которого считаю своим учителем, — Федерико Гарсиа Лорки. Он писал, что у андалузов темная кожа, но не черная, как от солнечного загара, а оливковая — от зеленой луны. Он говорил, что у нас кожа цвета листьев оливы.

— Какие проекты в планах Green Moon, помимо выходящей скоро в прокат «Сумасшедшей в Алабаме»?

— Сейчас мы активно работаем над проектом фильма о Никколо Паганини. Я считаю его Миком Джетгером своей эпохи. Скоро я должен сниматься в фильме «Воробей» — истории продажного иезуита, который оказывается на другой планете с группой прихожан. А еще мы с Мелани планируем сняться вместе в романтической комедии «Джеймс». Но пока нам не удалось найти режиссера ни для одного из этих фильмов.

— Расскажите поподробнее о фильме «Сумасшедшая в Алабаме».

— Это экранизация бестселлера Марка Чилдресса «Голова в шляпной коробке». Роман мне очень понравился, и я решил, что должен попробовать его поставить. Это черная комедия с социальным уклоном. В нем показаны события 1965 года, когда черное население Америки боролось с расизмом, причем — через призму восприятия мальчишки, который живет в атмосфере смерти. Мелани играет его тетушку. Она убивает своего мужа после 14 лет брака, бросает детей и, погрузив голову муженька в багажник, отправляется в Голливуд делать карьеру актрисы. Этот фильм бросает вызов всем американским табу. Я заранее знаю, что в Голливуде этот фильм никому не понравится и меня растерзают на части.

— Может быть, потому что увидеть себя таким с точки зрения иностранца вдвойне неприятно?

— Мне не нравится ваш подход. Разумеется, это не значит, что вы не имеете права на свою точку зрения, но вспомните — половина великих режиссеров Голливуда была иностранцами. Билли Уайлдер, Фриц Ланг, Альфред Хичкок. Никто не сердится на Оливера Стоуна, когда он снимает «Сальвадор», на Скорсезе — когда он ставит «Кундун» о событиях в Тибете, на Алана Паркера, когда он снимает «Эвиту» об интригах в высших политических кругах Аргентины. Почему нельзя быть снисходительным ко мне? Я ведь впервые работаю за камерой, и если меня раскритикуют, я вряд ли рискну снимать кино во второй раз.

— У вас есть режиссерское кредо?

— Кредо... это слишком сильно сказано. Мне хочется, чтобы фильмы говорили о жизни. Мне нравится то, что делает Тарантино, но он снимает фильмы не о жизни, а о других фильмах.

— Вы снялись в новом фильме Джона МакТирнана «13-й воин», выпуск которого много раз переносился, и сегодня в очередной раз откладывается. В чем причина?

— Монтажные проблемы. Это очень масштабное полотно. Джон МакТирнан искал новый взгляд на исторический боевик и почти весь фильм был снят ручной камерой «Стедикам», словно документальная лента. Поверьте, получился необычный и очень мощный фильм. Я играю араба, который попадает к викингам и помогает им справиться со сверхъестественными силами. Помимо меня, в фильме играл Омар Шариф. С ним интересно работать.

— Вы живете в США уже восемь лет. Считаете ли вы себя американцем?

— В Америке — да. Но когда я приезжаю домой, в Испанию, мои давние друзья говорят: «Антонио, каким засранцем ты был, таким и остался!» И это самый приятный комплимент.

— Вы не чувствуете себя отрезанным от родины?

— Я очень часто бываю дома. Надеюсь, что со временем моя производственная кинофирма станет фабрикой раскрутки молодых талантов из Испании. Особенно — актеров.

— Сейчас, после огромного успеха «Маски Зорро», у вас на руках все козыри.

— Да, до этого фильма многие сомневались, что я смогу вынести на плечах большой крупнобюджетный проект. Долгое время меня считали просто «латинским любовником».

— А на самом деле вы по характеру ближе к Зорро?

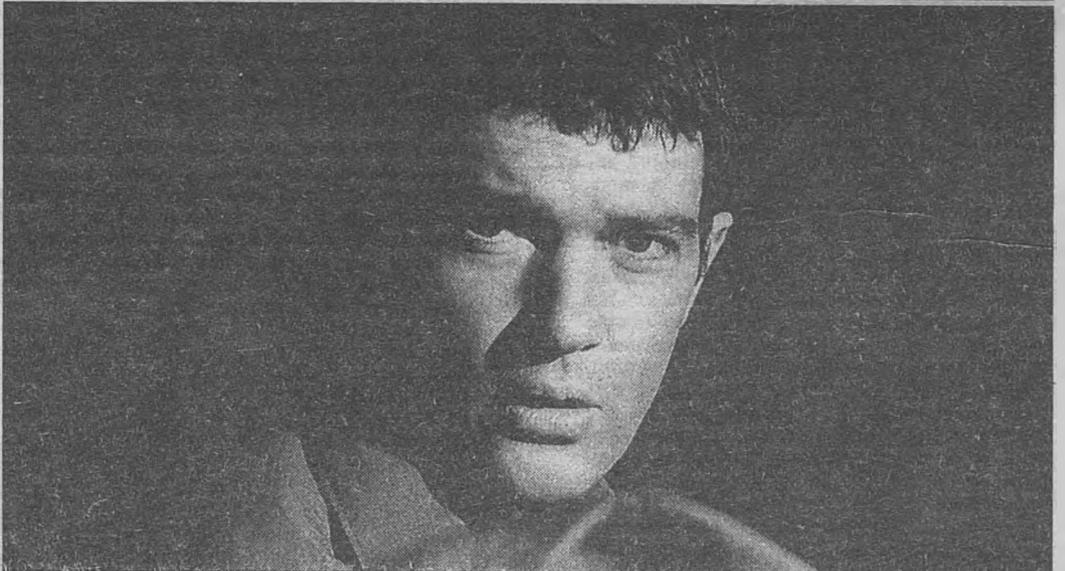
— О! Мне хотелось бы ответить, что Зорро — это я, но тогда у меня вырастет большой нос. Конечно, у меня есть предвращение о мужской чести, но я далеко не так храбр, как Зорро!

— У вас были сомнения, браться ли за такую роль?

— Сомнения? Что-то вроде «ах, я буду смешон в черной маске, да и работать бок о бок с Энтони Хоп-

Бывший актер-талисман Педро Альмодовара Антонио Бандерас сегодня прочно прописался в Голливуде. В прошлом году он очаровывал зрителей в маске и со шпагой в роли Зорро. Сегодня пробует себя в качестве режиссера: недавно завершил съемки фильма «Сумасшедшая в Алабаме», где сыграла его жена Мелани Гриффит. А на подходе — съемки в экранизации «Призрака оперы» Эндру Ллойда Уэббера. Интервью с первым актером-испанцем, сделавшим карьеру в США.

Сьюзен ХОУАРД

кинсом — неблагоприятное занятие? Нет, я не колебался ни секунды. Мне очень польстила мысль, что Зорро будет играть испанец, а не американец. Наконец-то ему воздали должное!

— Вы видели старые версии «Зорро» в кино и на телевидении?

— До съемок я был знаком только с телесериалом, в котором играл Гай Уильямс. Перед съемками я пересмотрел более 30 версий, снятых в разное время — от Дугласа Фэрбенкса до Алена Делона и Джорджа Хэмилтона. Мне кажется, лучшим был Фэрбенкс.

— Что больше всего понравилось вам в новой версии?

— То, что Зорро — не столько человек, сколько концепция. В начале фильма в маске Зорро с несправедливостью сражается один человек. Потом он передает эстафету другому — вашему скромному слуге. Впервые в истории кино мы видим процесс создания Зорро. В отличие от Супермена и Бэтмена, в Зорро сильно человеческое измерение. К тому же в фильме много юмора — как старомодного, так и вполне современного.

— Вначале проект должен был ставить ваш приятель Роберт Родригес, потом студия заменила его на Мартина Кэмпбелла. Вы были огорчены?

— Если бы этот фильм делал Роберт, получилось бы гениально — но это было бы кино не для детей. Мне хотелось, чтобы «Зорро» был фильмом для просмотра всей семьей. Но мы с Робертом остались друзьями.

— А с Педро Альмодоваром?

— Тем более! Мы вместе были на премьере «Зорро» в Испании. Педро очень понравился фильм, он сказал, что «Зорро» напомнил ему старые приключенческие ленты с Эрролом Флинном, а его он обожал в детстве. Особенно ему понравилась сцена, когда я раздеваю мою партнершу с помощью шпаги.

— Трудно сниматься в любовной сцене, которая одновременно является поединком на шпагах?

— Ну, я ко многому привык. Снимать эту сцену было не очень сложно, тем более что в ней много юмора. Зритель знает, что герои нравятся друг другу, что их поединок предваряет любовную сцену.

— Кэтрин Зита-Джонс говорила, что эта сцена была сымпровизирована.

— У меня была идея целовать ее каждый раз, когда она снова начинает размахивать шпагой. И чтобы с каждым разом она становилась все более испуганной и желанной. Мне хотелось, чтобы зритель увидел в ней новую Клаудию Кардинале.

— Вам много пришлось тренироваться для роли Зорро?

— Да, я решил самостоятельно сделать кое-какие трюки. Но прыгать в седло с крыши не стал — предпочел поберечь... скажем, семейные драгоценности (смех). Вообще-то у меня иногда побаливают спина и шея, поэтому я с некоторым опасением ждал съемок, но когда актер соглашается на такие роли, он соглашается и на риск. К тому же у нас был отличный тренер — фантастическая личность, он еще Эр-

рола Флинна тренировал. А до его тренировок я долго занимался в Испании с олимпийской командой. После этого я так расхрабрился, что предложил режиссеру попробовать снимать нас с настоящими шпагами в руках. Разумеется, мне это даром не прошло!

— Играющий первого Зорро Энтони Хопкинс говорил недавно, что любит сниматься с актерами, которых считают секс-символами, потому что это помогает ему не стареть. В качестве примера он назвал вас и Брэда Питта.

— О, это удивительно щедрый и скромный человек! Мудрейший актер, не теряющий вкуса к жизни. На съемках в Мексике он провозглашал, что ему надоели фильмы в духе «Молчания ягнят» и «На руинах дня». Он говорил: «Я хочу забавляться!» Каждый день Энтони Хопкинс ухитрялся нас удивлять.

— Вы робели в его присутствии?

— Поначалу у меня поджилки тряслись. Я так боялся, что буду не на высоте. Но все актеры знают, что оказавшись лицом к лицу с великим лицедеем, ты и сам начинаешь играть лучше. Это было незабываемое зрелище — я наблюдал, как он репетирует, готовится к роли. Сначала он примерял на себя испанский акцент, но потом сказал: «Получается слишком конфузно!» — и отказался от этой затеи. Когда мы снимали сцену на балу, меня вдруг охватили сомнения: мне казалось, что из меня получается такой же благородный аристократ, как из свиньи — боевой конь! Я повторял себе: «Антонио, не волнуйся, ты выучил текст, а все остальное — чепуха». Энтони Хопкинс посмотрел на мои страдания, а потом просто подвел меня к зеркалу и заставил посмотреть на себя. И я понял, что все получится хорошо.

— Вы сильно переживаете, когда ваши фильмы постигают неудачи? «Убийцы» и «Рассодия Майами» не имели успеха.

— Актеру полезно унижение, иначе он будет почитать на лаврах. Когда тебя ругают, учишься лучше в себе разбираться.

— В последнее время о вас с Мелани Гриффит много пишут в бульварной прессе.

— Мелани привыкла, она вообще не обращает на это внимания. Меня же таблоиды бесят. Практически все, что в них пишут, — вранье и выдумки. К счастью, мы можем уединиться в Марбелле вдаль от бульварной прессы, которая скоро начнет рыться у нас в мусорных баках! Но у меня нет выбора. Единственное, что меня беспокоит, — сможем ли мы уберечь от этой гадости нашу дочь.

— Вы можете дать определение лицедейства?

— Это все равно что заниматься любовью. Посмотрите на Энтони Хопкинса в фильме «На руинах дня». Зритель ждет от него эмоций, но он долго сдерживается. Он знает, что в сцене № 25 он позволит себе немного чувств, потом еще чуть-чуть... Это все равно что обхаживание девушки: я прикоснусь к ней, потом отойду и полюбуюсь, потом снова прикоснусь, но уже иначе. Актерство — ужасно сексуальная профессия.

ЛОС-АНДЖЕЛЕС